

Отзыв официального оппонента

на диссертацию Владимира Павловича Богданова

«Записи на книгах как источник по истории книжной культуры (на материале старопечатных кириллических изданий конца XV – XVIII веков)», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.5 – Историография, источниковедение, методы исторического исследования.

Расширение источниковой базы, без сомнений, является одной из важнейших задач современной исторической науки. Особое значение имеет введение в широкий научный оборот массовых источников, которые системно еще не изучались и не использовались при исторических построениях. Оценка информационного потенциала и обобщение данных источников, ранее почти не используемых при изучении целого ряда проблем социальной истории, позволяют существенно дополнить наши сведения о значимых явлениях прошлого. Этим вопросам и посвящена диссертация В.П. Богданова.

Ее автор обратил свой взор на источники, системное изучение которых только начинается – на весьма многочисленные записи на экземплярах печатных книг последней четверти XVI – XX в., ранее находившихся в тени актов, делопроизводственных и иных источников. Часть анализируемых записей использовалась почти исключительно для решения тех или иных вопросов, связанных с происхождением и бытованием экземпляров изданий. Вместе с тем итоги обобщения этих данных позволяют расширить не только представления об истории книжной культуры, но, как убедительно показывает диссертант, и о социально-экономической и политической истории. Последнее дает основания полагать, что реальное содержание работы В.П. Богданова заметно шире заявленного в ее названии проблемного поля («Записи на книгах как источник по истории книжной культуры...»).

Целью рассматриваемой диссертации является определение информационного потенциала записей на экземплярах кириллических изданий конца XV –

XVIII в. Задачами являются группировка, классификация соответствующих записей и оценка их возможностей для решения тех или иных вопросов в истории книжной культуры и проблем социальной истории (Т. 1. С. 9). Скажу сразу, что задачи успешно решены, а цель работы достигнута.

Исследование В.П. Богданова основано на текстах более чем 15 тыс. вкладных, владельческих, продажных и иных записей последней четверти XVI – XX в. на экземплярах кириллических изданий, которые на протяжении многих десятилетий собирали и изучали археографы МГУ. Важно отметить, что сам В.П. Богданов принимал личное участие в археографических экспедициях, тем самым расширяя источниковую базу, на которой основана его диссертация. Тексты анализируемых источников представлены в 13 подготовленных в 1980–2014 гг. каталогах и обобщены диссертантом в виде базы данных.

Скажу сразу, мне было особенно интересно работать с текстом В.П. Богданова в силу того, что несколько лет назад я провел сходную работу, но на более раннем и в силу этого более ограниченном материале. На основе анализа 734 датированных выходных записей XVI в. из 44 архивохранилищ была предпринята попытка наметить основные контуры социальной истории книжной культуры в России данного периода, определив географию книгопроизводства, персональный и социальный состав писцов и заказчиков (см.: *Усачев А.С.* Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. Т. 1–2. М.; СПб., 2018.). В.П. Богданов оперирует гораздо более впечатляющей источниковой базой, включающей в себя более 15 тыс. записей последней четверти XVI – XX в. При этом определенные на материале XVI в. основные тенденции в истории книжной культуры и отчасти социальной истории получили подтверждение на более позднем материале. Медиевисту остается лишь с легкой завистью взирать на источниковую базу специалиста по Новому времени.

В ходе обобщения и анализа привлеченного материала В.П. Богданов ввел в научный оборот новые данные о биографиях тысяч лиц конца XVI – XX

в., принадлежавших к различным социальным слоям (крестьянам, белому и черному духовенству, служилому сословию, гостям и т.д.). Кроме того, в работе приведено немало сведений историко-географического характера, позволяющих уточнить географию монастырского землевладения, ранние упоминания тех или иных обителей и т.д. Итоги проведенного анализа упоминаний иерархов Церкви в записях позволили В.П. Богданову сократить и число лакун в фундаментальном справочнике (П.М. Строева): удалось выявить 41 настоятеля монастырей, которых он не упоминает (Т. 3. С. 233–236 и др.). Очень интересны наблюдения диссертанта относительно степени вовлеченности в книжную культуру не только Строгановых, но и подчиненных им лиц. В.П. Богданов на материале почти трех столетий прослеживает не только хорошо изученные многочисленные вклады самих «именитых людей», но и их крестьян, работных людей, духовенства и представителей администрации их владений (Т. 1. С. 219).

Результаты анализа привлеченного материала позволили сделать и интересные наблюдения общеисторического плана. К их числу можно отнести замечания относительно социальной мобильности населения в России раннего Нового времени. Диссертант с привлечением значительного числа записей, которые массово для изучения данного явления еще не использовались, в частности, показывает судьбы выходцев из белого духовенства, пополнявших ряды приказной бюрократии и гостей (Т. 3. С. 146 и далее). Рассматривая вопрос о хронологическом распределении записей на книгах, В.П. Богданов показывает, что до 1860-х гг. наибольшее число записей датировалось периодом до начала сельскохозяйственного сезона, а с 1860-х гг. эта тенденция уже не фиксируется. По мнению диссертанта, это могло быть связано с ускорением темпов трансформации традиционного уклада страны в эпоху «великих реформ» (Т. 1. С. 155–157).

Трудно сомневаться в том, что систематизированный В.П. Богдановым материал существенно расширяет информационные возможности специалистов

по источниковедению, истории книжной культуры и истории России XVII – XIX вв. в целом. Вклад диссертанта очевиден.

Конечно, к работе, в которой на столь значительной источниковой базе, сформированной в течении более чем трех столетий, поставлена и – это особенно важно – решена крупная научная проблема, можно адресовать ряд замечаний, пожеланий и уточнений.

Характеризуя географические рамки работы, В.П. Богданов приводит весьма обширный перечень территорий, на которых бытовали соответствующие экземпляры изданий (Т. 1. С. 10). Полагаю, географические рамки могли быть определены существенно короче – территория Российской империи в ее границах на 1914 г.

К числу необходимых оговорок, которые позволят составить читателю более четкое представление о масштабе проделанной работы, можно отнести некоторые уточнения по работе с базой данных. Так, в ней выделяется графа «Регион» (Т. 1. С. 71 и др.) (выделяются «Владими́ро-Сузда́льский», «Вологодско-Костромской», «Вятско-Уральский», «Западный», «Московский» и др.). Учитывая общеизвестную двусоставность административного деления – светская административная сеть сосуществовала с церковной – стоит отметить, по каким именно критериям выделяется «Регион» (епархия? группа уездов? историческая область?).

Стремясь максимально «выжать» информацию из анализируемых источников, диссертант старается проследить тенденции в эволюции текстов записей даже на очень ограниченном материале. На мой взгляд, порой это приводит к избыточной подробности разбора. Например, вряд ли стоило уделять специальный подраздел определению географии охранных формул, а также социальному составу лиц, использующих их в записях (Т. 2. С. 113–129). Вряд ли это очень показательно.

В работе встречаются и отдельные неточности. Так, по сути, единственным критерием отнесения к аристократии В.П. Богданов считает наличие кня-

жеского титула (Т. 3. С. 3), что представляется в корне неверным (например, см.: *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988).

В работе встречаются и отдельные не совсем удачные формулировки, требующие редакторской правки. Так, например, отмечается, что «научная новизна диссертации заключается в том, что впервые в историографии создано монографическое исследование, в котором основным источником стали записи на книгах» (Т. 1. С. 55). Здесь надо было обязательно оговорить, что речь идет именно о записях на старопечатных книгах (записям на рукописных книгах специально посвящены монографии Л.В. Столяровой и автора этих строк).

Как и любая неопубликованная работа, диссертация В.П. Богданова требует редакторской (в т.ч. и библиографической) правки. Без сомнений, работу бы только украсило включение в нее карты (или карт), на которую были бы нанесены записи, «привязанные» диссертантом к тому или иному населенному пункту (территории) (возможно, по различным периодам). Это могло бы значительно помочь в осмыслении степени вовлечения в книжную культуру населения того или иного региона в различные периоды.

К работе можно адресовать и ряд других пожеланий, ориентирующих диссертанта на некоторое расширение круга привлекаемых им источников и работ. Это позволит заметно расширить контекст рассмотрения анализируемых источников и более рельефно показать несомненные плюсы работы В.П. Богданова, в которой собран очень значительный материал по весьма широкому спектру вопросов. Возможно, учет этих замечаний позволит нанести дополнительные штрихи на уже готовое весьма красочное полотно.

Диссертант делает вывод о том, что «все собрания (хранящиеся сейчас или хранившиеся ранее в одном месте) и комплексы изданий (например, выпущенные одной типографией) имеют свои особенности. Соответственно, привлечение записей разных собраний (региональных и ведомственных) и разных типов и видов изданий должно повышать их информационную отдачу» (Т. 1.

С. 36). Этот вывод можно было бы сопоставить с наблюдениями автора этих строк о том, что исторически сложившиеся в Средневековье и раннее Новое время комплексы, дошедшие в составе государственных архивохранилищ («монастырские» собрания) искажают картину реалий времени создания и бытования соответствующих книг, в то время как «личные» собрания (А.С. Уварова, Е.Е. Егорова, М.П. Погодина и др.) дают более «широкую» картину (см.: *Усачев А.С.* Книгописание... Т. 1. С. 41–46). Выходных, вкладных, владельческих, продажных и иных записей больше на рукописях из «личных» собраний. Большинство привлеченных В.П. Богдановых собраний можно отнести к их числу.

Рассматривая возможности применения формулярного анализа, разработанного на материале актов С.М. Каштановым (Т. 1. С. 144–146), можно привлечь и работы, демонстрирующие методические трудности, с которыми сталкиваются исследователи, применяя соответствующий метод к материалу записей на книгах (см.: *Мошкова Л.В., Турилов А.А.* «Плоды ливанского кедра». М., 2003).

Как убедительно показывает диссертант, записи на книгах служат важным источником для изучения генеалогии тех или иных родов, представители которых их вкладывали. Записи нередко содержат достаточно пространственные перечни имен «родичей», которые были предназначены для включения в синодик (Т. 1. С. 173–178 и др.). Я бы призвал к осторожности при использовании данных перечней. Как правило, речь действительно идет о родственниках. Однако так было далеко не всегда. Речь могла идти о господах или наоборот о слугах вкладчика (например, см.: *Шокарев С.Ю.* «Раб Божий и его сиятельства»: к вопросу об отражении зависимого положения в русских средневековых религиозных практиках // *Московская Русь: археология, история, архитектура. К 75-летию Леонида Андреевича Беляева.* М., 2023. С. 112–122), о духовных наставниках или просто авторитетных фигурах (например, в записи рода кн. Курбских фигурирует Сергей Радоженский).

Рассматривая вопрос о применимости понятия «массовый источник» к анализируемым записям (Т. 1. С. 147–151), можно отметить, что подобная их характеристика применительно к более раннему периоду (XVI в.) уже звучала в историографии (см.: *Усачев А.С.* Писцы рукописных книг и внутренние миграции в России XVI века // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2020. М., 2021. Т. 10. С. 146–197).

Диссертанту из анализируемых источников удалось извлечь интересные данные и по антропонимике. Особо я бы выделил крайне любопытное наблюдение (если, конечно, речь не идет об ошибке писца) о том, что после принятия пострига имя могло и не меняться (Т. 1. С. 162). Также трудно не признать, что в текстах анализируемых записей «происходит явное превалирование форм “Иван” и “Федор” над церковно-славянскими “Иоанн” и “Феодор”» (Т. 1. С. 164). Это и подобные абсолютно верные замечания можно было бы сопоставить с тем, что речь, по сути, шла о неофициальных источниках. Именно поэтому они насыщены прозвищами (например, вспомним писца-инока XVI в. Вассиана Дракулу), а также весьма вольным обращением с титулатурой государей (отдельные писцы до конца 1590-х гг. русского государя именовали без царского титула, например, см.: *Усачев А.С.* Упоминания титула русского митрополита и государя в неофициальных источниках XVI в. (на материале выходных записей на книгах) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 3(65). С. 45–56).

Без сомнений, интересный раздел диссертации об антропонимике (Т. 1. С. 162–164) могли бы украсить ссылки на некоторые специальные работы (например, см.: *Селищев А.М.* Происхождение русских фамилий, личных имён и прозвищ // *Селищев А.М.* Избранные труды. М., 1968. С. 97–128; *Унбегаун Б.-О.* Русские фамилии. М., 1995; *Тутиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен: с прил. М., 2005; *Кюрюшнова И.А.* Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб., 2010).

Привлечение работ по антропонимике может сообщить интересным наблюдениям диссертанта дополнительную глубину. Например, в работе справедливо отмечается особо широкое в XVII–XIX вв. распространение имени «Иван». Почему бы не отметить, что это имя является «лидером» именовслова (по крайней мере, среди представителей служилого сословия) в XIV–XVI вв.? (об этом см.: *Wójtowicz M.* Древнерусская антропонимия XIV–XV вв.: Северо-Восточная Русь. Poznań, 1986. С. 22; *Кобрин В.Б.* Генеалогия и антропонимика (по русским материалам XV–XVI вв.) // *Кобрин В.Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимия: избранные труды. М., 2008. С. 176).

Рассматривая очень значительный материал записей последней четверти XVI – XX в., диссертант «привязывает» значительную их часть к определенным регионам и, по сути, создает карту книжной географии России (Т. 2. С. 67 и др.). При этом можно было в кратком виде представить итоги сходной работы, которая была проведена на более раннем материале – XV–XVI вв. (см.: *Позов Н.Н.* Искусство книги Древней Руси и библиогеография (по новгородско-псковским материалам) // *Древнерусское искусство. Рукописная книга.* М., 1972. Сб. 1. С. 24–51; *Усачев А.С.* Книгописание... Т. 1. С. 59–199). Возможно, сравнительный анализ позволил бы наметить основные тенденции в динамике географического измерения книжной культуры эпохи позднего Средневековья и Нового времени, позволив выявить социально-экономические и политические факторы, оказывающие на нее влияние. Например, в XVI в. под влиянием эпидемий, хозяйственного кризиса и внутренних миграций Северо-Запад (прежде всего, Новгород) утратил былые доминирующие позиции в книжной культуре (см.: *Усачев А.С.* Книгописание и проблемы социально-экономического развития в России XVI в. // *Российская история.* 2019. № 6. С. 180–201; *Он же.* Писцы рукописных книг и внутренние миграции в России XVI века. С. 186–187). Возможно, нечто подобное удалось бы проследить и на материале XVII–XIX вв.

Интересны наблюдения над ценами на книги. Так, любопытно замечание В.П. Богданова относительно того, что в Московском регионе цены на книги были достаточно стабильны (Т. 2. С. 78). Также интересно наблюдение относительно того, что на территории Украины, Белоруссии и Молдавии «относительно небольшая цена [на книги. – А.У.] (по сравнению с Москвой) объясняется большой концентрацией здесь печатной продукции» (Т. 2. С. 81). Рассмотрение цен на книги (Т. 1. С. 68–71) можно дополнить динамикой цен на основные товары (в т.ч. и на бумагу) в раннее Новое время (об этом, например, см.: *Маньков А.Г.* Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.; Л., 1951; *Hellic R.* The Economy and Material culture of Russia. 1600–1725. Chicago; L., 1999).

«Экономическое измерение» диссертации можно усилить сравнительным анализом цен на рукописные и печатные книги. Очевидно, что цена экземпляров печатных изданий было несопоставима с ценой рукописных книг, представляющих собой шедевры книжного искусства. Так, если цена на печатные книги в XVI–XVII вв. составляла несколько рублей, то стоимость Боровского Евангелия (1530-е гг.) превысила 100 руб. Возможно, итоги данного анализа позволят наметить определенную динамику в истории книжной культуры эпохи раннего Нового времени, связанную с повышением доступности книг для самых широких слоев населения.

На фоне общеизвестного увеличения роли дворянства в культурной жизни страны после «Манифеста о вольности дворянства» (1762 г.) и «Жалованной грамоте дворянству» (1785 г.) весьма любопытен вывод В.П. Богданова о снижении удельного веса вкладов книг представителями благородного сословия в XVIII в. (Т. 2. С. 131). Здесь, правда, сложно согласиться с автором в том, что самодержавная власть препятствовала вкладам (в т.ч. книгами) дворян, которые открывали им дорогу монастырь (очевидно, что запреты Петра I действовали исторически непродолжительное время). После отмены обязательной службы удержание дворянства от ухода от мира было лишено практического смысла. Явное снижение числа дворян, принимающих постриг и делающих церковную

карьеру, было связано скорее с появлением у них иных социальных полей для самореализации (обустройство усадеб, занятия литературной деятельностью, участие в общественных дискуссиях и т.д.).

Раздел о возможности использования записей при изучении комплектования библиотек (Т. 2. С. 181 и далее) может быть пополнен опубликованной Д.М. Буланиным записью о доставке из Москвы вологодскому архиепископу Ионе (Думину) 200 экземпляров печатной Триодей для раздачи по приходам епархии («прислал к Вологде государева жалованья 200 книг, печатных Триодей, постные и цветные, и велел своим приказным людем... в городе на Вологде, и на посаде, и в Вологодской уезд в монастыри, и в села, и в волости те книги роздати по церквам», см.: *Буланин Д.М.* Владимирский Рождественский монастырь как культурный центр Древней Руси // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 74).

Так, упоминая об опытах реконструкции крупных монастырских собраний, диссертант приводит сведения о статье Т.И. Гулиной о либерее Ярославского архиерейского дома, игнорируя фундаментальное многотомное издание «Книжные центры Древней Руси» (Т. 2. С. 135). Также можно было привлечь и сводку сведений о числе книг в крупных монастырских библиотеках XVI–XVII вв. (см.: *Усачев А.С.* Монастырские библиотеки и состав церковной элиты в России XVI века // Кирило-Методиевски студии. София, 2022. Кн. 32: Манастирски библиотеки в южнославянските земи и Русия през XIV–XVI век. Доклади от Международната научна конференция 26–28 април 2021 г. С. 351–370). Несколько смущает отсутствие ссылок на «Словарь книжников и книжности Древней Руси».

Итоги анализа записей на книгах и их репертуара позволили диссертанту сделать интересные наблюдения относительно состава приходских библиотек. Рассматривая их с точки зрения богослужебных нужд, В.П. Богданов отмечает: «В целом, “в идеале”, если убрать спорные Трефологион, Синодик, “стихеры”, “Трезвон” и Парамейник то церковная библиотека должны была насчитывать

не менее 30 книг (из них 12 Миней служебных и две книги Пролога, каждая из которых рассчитана на полгода)» (Т. 2. С. 142). Речь, конечно, идет об идеальной ситуации (диссертант не настаивает на ее соответствии реалиям). Привлечение дополнительной исследовательской литературы позволило бы посмотреть на реальное положение дел. Так, согласно Н.Д. Чечулину, в XVI в. в среднем на один приход приходилось по 5–6 книг (см.: *Чечулин Н.Д.* Несколько данных о книгах по городам Московского государства во XVI веке // Библиограф. 1888. № 11. С. 361). К сходным выводам пришла и М.С. Черкасова: расположенные на территории владений Троицы приходы располагали, как правило, 4–6 книгами (см.: *Черкасова М.С.* Новое о книжной культуре Лавры (конец XVI – начало XVII в.) // X Междунар. науч. конф. «Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России». 26–27 окт. 2016 г.: тезисы докладов. Сергиев Посад, 2016. С. 56). Вряд ли в разоренной в эпоху Смуты стране книг было существенно больше (по крайней мере, в первой половине XVII в.). Судя по всему, даже небольшие монастыри далеко не всегда располагали полным комплектом служебных миней. Вероятно, привлечение дополнительных материалов в будущем позволит установить, в какой период основной массе приходских библиотек удалось (если удалось) приблизить их состав к 30 и более книгам.

Замечание о том, что, судя по текстам записей на книгах, «Московский» регион являлся самым «аристократическим», можно соотнести с замечаниями С.Б. Веселовского и А.П. Павлова о том, что не позднее начала XVII в. Москва или Подмосковье стала местом постоянного проживания почти всех членов Государева двора (включая представителей суздальской, ярославской, стародубской и прочей знати) (см.: *Веселовский С.Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.; Л., 1947. С. 314–337; *Павлов А.П.* К вопросу о московской службе членов Государева двора // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023. № 1. С. 96–101).

Диссертант отмечает, что в созданной им базе данных представлено «322 вида книг. Наибольшим количеством экземпляров представлены Минеи служебные (641), затем идут Евангелия (548), Прологи (243)» (Т. 1. С. 101). Это можно было бы сопоставить и с наблюдениями над составом рукописных книг, согласно которым, служебные минеи (ок. 10,4%) и Евангелия (ок. 15%) по своему числу лидируют среди датированных рукописных книг XVI в. (см.: *Усачев А.С.* Книгописание... Т. 1. С. 41). Любопытно, что репертуар по рукописным и печатным книгам в целом совпадает. Это дает возможность более рельефно представить книжный репертуар в России эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Интересны наблюдения диссертанта о гендерном аспекте истории книжной культуры. В.П. Богданов отмечает сравнительную малочисленность вкладов книг женщинами в XVI–XVII вв., число которых возрастает в последующий период (Т. 2. С. 8, 18). Это интересное замечание можно сопоставить с общеизвестным фактом – по XVI в. включительно ученые не располагают данными о фактах переписки книг женщинами. Первый известный подобный факт относится к 1618 г. (писец Акилина).

Сведения о социальном составе вкладчиков книг XVII в. представляют данные о «коллективных вкладах» (Т. 2. С. 11; Т. 3. С. 192–193). Здесь неплохо было бы обратить внимание на сделанные ранее наблюдения о практике «коллективного заказа» книг сообществами прихожан церквей, иноков, ремесленников и детей боярских. Речь шла присущем традиционному обществу «коллективизме» (см.: *Усачев А.С.* Книгописание... Т. 1. С. 425–440). Например, диссертант приводит запись о том, что в 1652/53 г. 22 прихожанина церкви Параскевы Пятницы «вскладчину» для своего прихода купили печатное Евангелие 1627 г. (Т. 2. С. 184–185; Т. 3. С. 192). Напрашивается сопоставление этой записи с записью о том, что 171 прихожанин для своей церкви заказали рукописный Сборник сочинений Иоанна Златоуста 1605/06 г. (см.: *Сметанина С.И.* Записи

XVI–XVII веков на рукописях собрания Е. Е. Егорова // АЕ за 1963 г. М., 1964. С. 370–372).

При рассмотрении библиотеки В.М. Ундольского (Т. 2. С. 209–210) можно привлечь единственную специально посвященную ему монографию (см.: *Немировский Е.Л.* Вукол Михайлович Ундольский (1816–1864). М., 1996).

Рассматривая состав упоминаемых в записях лиц XVII в., В.П. Богданов приводит сведения о сотнях представителей приказной бюрократии, членах Государева двора, провинциальных дворянах и гостях. Если основные работы по гостям и дьякам приведены, то перечень работ об аристократах может быть существенно расширен. В 2023 г. описание генеалогии и служебного статуса крупнейших боярских родов по преимуществу на основе данных Г. Котошихина и трудов историков XVIII–XIX вв. (А.А. Бобринского, Г.Ф. Миллера, В.В. Руммеля и др.) (Т. 3. С. 4, 10, 14, 15, 21, 22, 25, 27, 28, 31, 47 и др.) после появления работ С.Б. Веселовского, А.А. Зими́на, В.Б. Кобрина, В.Д. Назарова, А.П. Павлова и иных исследователей представляется недостаточным.

При характеристике аристократических родов XVII в. явно недостает монографии А.П. Павлова (см.: *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование: в 2 т. СПб., 2018). Рассматривая факты владения кн. Воротынскими книгами в XVII в. (Т. 3. С. 9), можно упомянуть и об их книжных интересах в более ранний период (см.: *Усачев А.С.* Еще раз о книгах князей Воротынских в XVI в. // «По любви, въ правду, безо всякие хитрости»: друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина: сб. ст. М., 2014. С. 331–340). Подраздел о книжных интересах Салтыковых в XVII в., без сомнений, только выиграет в случае привлечения материала специально посвященных этому вопросу статей А.И. Макарова (см.: *Макаров А.И.* Представители боярского рода Салтыковых и самарский список «Повести о Варлааме и Иоасафе» (1628–1629 г.) // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2012. № 3(49). С. 86–97; № 4 (50). С. 47–63; *Он же.* Книжный вклад 1625

г. в самарский Преображенский монастырь как исторический источник // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 2(84). С. 91–103). Характеризуя книжные интересы представителей рода Хитрово (Т. 3. С. 35–36), можно обратить внимание и на случаи заказа ими переписки книг в XVI в. (см.: Усачев А.С. Книгописание... Т. 1. С. 406–407), Происхождением Нащекиных (Т. 3. С. 47) специально занимался А.В. Кузьмин (см.: Кузьмин А.В. На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. Т. 1. М., 2014. С. 305–312). Кратко характеризуя происхождение и политическую роль Годуновых и Сабуровых (Т. 3. С. 38, 48), диссертант, ориентируясь на труды авторов XVIII–XIX вв., игнорирует работы С.Б. Веселовского и А.П. Павлова (см.: Веселовский С.Б. Из истории древнерусского землевладения: Род Дмитрия Александровича Зернова (Сабуровы, Годуновы и Вельяминовы-Зерновы) // Исторические записки. М., 1946. Вып. 18. С. 56–91; Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992). При характеристике рода Пушкиных (Т. 3. С. 41–42) не хватает известной работы С.Б. Веселовского (см.: Веселовский С.Б. Род и предки А.С. Пушкина в истории. М., 1990).

Рассматривая многочисленные факты вкладов книг русскими аристократами в XVII в., можно было бы уточнить, что это дает для изучения их биографий (дат смерти, служебных назначений и т.д.). Например, с гостями эта работа проведена и показано, что именно дают записи для изучения биографии того или иного гостя (Т. 3. С. 96–98).

Характеристика важной группы вкладчиков книг – соборных старцев – в работе дана несколько размыто (Т. 3. С. 211–212). Вероятно, привлечение специальных работ, посвященных этому феномену церковной действительности России даст возможность более четко показать их финансовые и административные возможности, позволявшие им делать вклады (например, см.: Dykstra T.E. Consensus Politics in a Microcosm of Muscovite Society: The Role of Igumen and Elders in Monastic Administration // Die Welt der Slaven. 2008. Vol. 53,

№ 1. Р. 39–59; *Целуйкина Е.С.* Состав Собора и функции соборных старцев Иосифо-Волоколамского монастыря на основании хозяйственных книг начала XVII века // *История: факты и символы*. 2020. № 3(24). С. 56–71). Также можно было бы сопоставить приводимые в диссертации факты участия в книжной культуре соборных старцев XVII в. с соответствующими данными за более ранний период (см.: *Усачев А.С.* Книгописание... Т. 1. С. 363–371, 425–428).

Диссертант перечисляет упомянутые в записях земельные владения ряда монастырей (Т. 3. С. 219–222). Это интересное наблюдение можно дополнить данными актов и писцовых книг. Возможно, удалось бы установить, что записи содержат уникальную информацию о времени владения обителями соответствующими селами и деревнями. Если это действительно так, то это бы существенно повысило историческую ценность анализируемых записей для специалистов по социально-экономической истории и исторической географии.

Рассматривая родственные связи между иноками, В.П. Богданов заключает, что «как не парадоксально (из-за запрета на вступление в брак), но монашество было сферой деятельности, в которой также могли складываться свои династии» (Т. 3. С. 231). Было бы неплохо, если бы этот вывод полученный на материале записей на книгах XVII–XVIII вв., диссертант связал с неоднократно звучащими в историографии (работы М.Н. Тихомирова, А.А. Зимина, Т. Дайкстра, С.В. Николаевой и др.) наблюдениями о том, что роды были связаны с монастырями на протяжении многих десятилетий и многие представители этих родов принимали в них постриг на склоне лет. Так, например, в Иосифо-Волоколамском монастыре только в XVI в. приняли постриг не менее 8 представителей рода Ступишиных (см.: *Давиденко Д.Г.* Представители рода Ступишиных в церковной жизни России XVI в. // *Российская генеалогия*. М., 2016. Вып. 1. С. 9–55).

Есть и мелкие уточнения. В работе приведена точно не локализованная запись: «А подписал сие святое Евангелие митрополич хрестьянин Софеские (!) вотчины Сермяжеские волосте (!) Миронко Калистратов Лета 7175 го (1667)

генваря в 13 день» (Т. 3. С. 82). Полагаю, что речь идет о территории Новгородской епархии (Дом св. Софии), предстоятелем которой в XVII в. был митрополит. Диссертант затруднился с локализацией монастыря, в который в 1671 г. был вложен печатный Октоих 1594 г. (Т. 3. С. 218). Вероятно, речь идет о рязанском Спасо-Преображенском монастыре: в записи фигурирует Спасский монастырь и архимандрит Боголеп, возглавлявший его в 1647–1673 гг. (см.: *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 419).

Как нетрудно заметить, замечания носят частный характер и не затрагивают основных положений работы. Поставленные в ней задачи решены, а цель достигнута. Диссертация В.П. Богданова отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.5 – Историография, источниковедение, методы исторического исследования (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, она оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, Богданов Владимир Павлович заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.5 – Историография, источниковедение, методы исторического исследования.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук, профессор РАН, профессор ФГБОУВО «Российский государственный гуманитарный университет»

Усачев Андрей Сергеевич

Контактные данные:

Индекс, почтовый адрес места работы: 125047, г. Москва, Миусская площадь, д. 6, корпус 5

Рабочий e-mail, рабочий телефон: istfak_iai@rggu.ru, +7-495-250-66-65

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования

Адрес места работы:

Индекс, почтовый адрес места работы: 125047, г. Москва, Миусская площадь, д. 6, корпус 5

Рабочий e-mail, рабочий телефон: istfak_iai@rggu.ru, +7-495-250-66-65

Подпись Усачева А.С. заверяю:

